

В. М. СУХОДРЕВ

Язык мой — друг мой

<Фрагмент>

Никсон в Кремле

Первый официальный визит американского президента в СССР начался 22 мая 1972 года в четыре часа дня по московскому времени. Именно в этот момент в аэропорту Внуково-2 приземлился президентский «боинг». У трапа самолета Ричарда Никсона встречали Подгорный и Косыгин, некоторые наши министры, причастные к предстоящим переговорам на высшем уровне, сотрудники посольства США, а также малочисленная группа «представителей трудящихся». Так было определено сценарием встречи, утвержденным Политбюро с учетом сложных политических условий, в которых проходил этот визит. Ведь США в то время не только продолжали воевать во Вьетнаме, но и активизировали там свои военные действия. Американцы бомбили территорию Северного Вьетнама, вели наземные боевые операции. И это не могло не отразиться на атмосфере встречи.

Высокого гостя приветствовал в аэропорту почетный караул из представителей трех родов войск, на ветру развевались государственные флаги СССР и США. Словом, весь протокольный церемониал был соблюден. Строй почетного караула вместе с Никсоном обошел Подгорный, а по окончании церемонии Подгорный, Косыгин и Никсон сели в одну машину, и длинный кортеж направился в Кремль.

Ленинский проспект и другие улицы, ведущие в сторону Кремля, были украшены советскими и американскими флагами. Не было, правда, только «восторженных» толп москвичей, которых при встречах представителей дружественных государств обычно собирали по разнарядке. Более того, даже случайных прохожих к краям тротуаров не подпускали. Это все оговорили заранее.

Никсона поселили в Кремле, в апартаментах по соседству с Оружейной палатой. Там же, в отдельном крыле, разместили его

ближайших помощников, включая Киссинджера. Над зданием впервые в его истории развевался государственный флаг Соединенных Штатов Америки. Подгорный и Косыгин откланялись, напомнив гостю, что вечером, после того как Никсон отдохнет от утомительного перелета, они с ним вновь встретятся — на официальном банкете в Кремле.

Едва президент ушел, как рядом со мной появился помощник Брежнева, Александров. Он попросил меня немедленно догнать Никсона и сообщить ему о том, что Брежнев готов встретиться с ним с глазу на глаз до начала банкета, при этом я должен подчеркнуть, что Генсек будет на встрече один, за исключением, разумеется, переводчика, а Никсон, если пожелает, может взять с собой своего переводчика.

Я настиг Никсона буквально перед самой дверью его покоев и передал предложение Брежнева. Президент был несколько удивлен, поскольку о такой встрече слышал впервые, но вместе с тем явно обрадовался и без малейших колебаний согласился, добавив, что придет без переводчика, так как полностью доверяет мне.

Где-то в начале восьмого Никсон спустился на первый этаж, где я его уже ждал. Узнав от меня, что встреча пройдет в кремлевском кабинете Брежнева, президент поинтересовался, далеко ли нам ехать: его машина стояла наготове у входа. Я объяснил, что до кремлевского кабинета спокойным шагом можно дойти минут за десять. Никсон сказал, что он с удовольствием бы прошелся пешком по Кремлю. И мы направились в сторону здания Совета Министров на Ивановской площади. Шли вдвоем, а на некотором расстоянии впереди и позади следовали американские сотрудники охраны и наши ребята из «девятки»¹.

Вечер был ясный. После грибного дождика, который встретил Никсона в аэропорту, погода наладилась. Майская яркая зелень радовала глаз.

Но вот мы и у цели. Лифт поднял нас на второй этаж, и мы оказались возле кабинета, который когда-то занимал Сталин, а позднее Хрущев. В приемной, ее называли предбанником, уже находился Александров. Он распахнул дверь. Никсон, а за ним и я вошли в кабинет. Навстречу, широко улыбаясь, шел Брежнев. Лидеры тепло поприветствовали друг друга. Брежнев предложил гостю сесть напротив него. Официант принес чай и печенье. Беседа началась.

Леонид Ильич выразил удовлетворение в связи с первым в истории официальным визитом президента США в СССР, а затем напомнил Никсону, что они с ним уже однажды мимолетно встречались, а именно в 1959 году, летом, когда он, Брежнев, вместе

с Хрущевым и другими советскими руководителями присутствовал на открытии Национальной выставки США в Сокольниках. Брежнев, слегка заискивая, как мне показалось, напомнил также Никсону о том, что на выставке была сделана фотография, которая потом обошла все газеты мира. На ней запечатлены Никсон и Хрущев во время своего знаменитого «кухонного спора». «Так вот, я тоже есть там, справа от вас, но вы, может быть, этого уже не помните?...» — спросил Брежнев. Никсон с улыбкой ответил, что конечно же помнит. Не сомневаюсь, что помощники показали ему перед отлетом эту фотографию тринадцатилетней давности. Думаю, тогда, на выставке, стоя рядом, ни Брежнев, ни Ричард Никсон и не помышляли, что когда-нибудь встретятся в Кремле в качестве руководителей двух государств².

Переходя к деловой части беседы, Брежнев объяснил президенту, сколь нелегко было советскому руководству принять решение о приглашении его, Никсона, в СССР в условиях эскалации США военных действий во Вьетнаме. Но ради высших интересов Советского государства, ради нормализации и улучшения советско-американских отношений советское руководство пошло на то, чтобы эта встреча состоялась. В ходе беседы Брежнев в общих чертах затрагивал и другие вопросы, которые, по его мнению, предстояло обсудить в течение визита. Говорил он довольно долго. Никсон время от времени отвечал ему, также не вдаваясь в подробности.

В целом же создавалось впечатление, что оба лидера хорошо понимают друг друга, так сказать работают на одной волне. В какой-то момент Брежнев начал говорить о своем желании установить особые личные отношения с президентом США, которые, завязавшись в эти дни, затем укреплялись бы в ходе последующих встреч, а в промежутках между ними поддерживались бы перепиской. Никсон ответил в том же ключе и напомнил об особых отношениях, сложившихся между Сталиным и Рузвельтом во время войны. Он отметил, что они благодаря своим личным взаимоотношениям могли находить решения спорных вопросов даже тогда, когда это не удавалось бюрократам. Здесь Брежнев и Никсон обменялись фразами, которые в том или ином варианте любят произносить высшие государственные руководители: нельзя мол, доверять важнейшие вопросы бюрократам, потому что те способны похоронить любое важное дело, утопить его в потоке бумаг. Многие высокопоставленные лица, с которыми мне довелось работать, при случае не упускали возможности сделать саркастические выпады в сторону чиновничества.

Беседа продолжалась. Брежнев сказал о том, что, когда он еще только начинал свою политическую деятельность, один очень из-

вестный представитель старой гвардии большевиков как-то в разговоре с ним подчеркнул важность установления именно доверительных личных отношений с людьми.

«Я навсегда запомнил этот мудрый совет», — заметил Брежнев.

Никсон в своих мемуарах вспоминает об этой беседе и конкретно о высказывании Генсека относительно совета, когда-то данного ему представителем старой гвардии большевиков. И задается вопросом: кто же это был? Уж не Сталин ли?

Признаться, эти слова Брежнева и меня заинтересовали. Ответ я вскоре получил из уст самого Леонида Ильича, но об этом чуть ниже.

Беседа лидеров затягивалась. По времени уже должен был начаться банкет. Но Брежнев не смотрел на часы и продолжал разговор. Потом сказал, что они, видимо, заработали свой ужин, и предложил президенту отправиться в Грановитую палату. Никсон ответил, что он только заедет за женой и тотчас присоединится к Брежневу на банкете.

Кому — банкет, кому — «дежурные» сосиски

У меня сразу возникла проблема. Ведь первую беседу лидеров на высшем уровне надо было обязательно зафиксировать на бумаге, чтобы с ней могли ознакомиться члены советского руководства, прежде всего Косыгин и Подгорный.

Брежнев, проводив Никсона до двери кабинета, сказал мне, что надо как можно быстрее сделать запись их беседы. Я ответил, что готов, так как текст речи, которую на банкете от советской стороны должен, согласно протоколу, произносить Подгорный, подготовлен и переведен на английский и его сможет зачитать мой коллега, наверняка уже находящийся в Грановитой палате. Брежнев охотно с этим согласился. Александров вызвал машину, и я отправился в здание ЦК на Старой площади, где стенографистки уже ждали меня.

Я, конечно, слегка подсадовал на то, что мне не доведется отведать того, чем будут потчевать американского президента в Грановитой палате, однако дело есть дело, и оно, как известно, превыше всего. Пришлось довольствоваться «дежурными» цевковскими сосисками.

Едва я приступил к диктовке, как в кабинете, где я устроился, зазвонила «вертушка». В трубке раздался голос посла Добрынина. Он сказал, что помощник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер пребывает в состоянии, близком к шоковому: произошла длительная беседа между двумя высшими

руководителями, а он, Киссинджер, ничего о ее содержании не знает, а между тем Никсон в связи с беседой наверняка набросает ему массу поручений. Короче говоря, Киссинджер просит дать ему наш вариант записи беседы, разумеется, переведенный на английский язык. Я ответил Добрынину, что могу это сделать только с разрешения самого Брежнева. Через несколько минут раздался еще один звонок. На сей раз от Александрова, который находился на банкете. Он сказал мне, что посоветовался с Брежневым и тот согласен передать текст записи беседы Киссинджеру, но сначала его должен просмотреть он, Александров. На том и порешили.

Когда, по моим расчетам, банкет должен был закончиться, запись беседы была уже готова. Вскоре появился Александров и быстро ее прочитал. Замечаний у него не возникло, и я получил добро на то, чтобы отправиться в резиденцию и там продиктовать перевод.

Было уже за полночь, когда я добрался до Кремля и предстал перед Киссинджером. Он обрадовался моему появлению и тотчас отвел меня в одну из комнат, где за пишущей машинкой сидела его личная секретарша Джули Пино — красивая молодая блондинка. Я сел рядом с ней и стал диктовать перевод записи беседы. Минут через двадцать дверь открылась — на пороге появился Киссинджер. Он был уже без галстука. Поглядел на нас и сказал Джули, что запись беседы должна быть у него к восьми утра. А затем, обращаясь ко мне, в присущей ему шутиливой манере спросил:

— А я вообще могу оставить двух таких молодых людей наедине ночью?

Я ответил в том же духе:

— Учитывая, что запись должна лежать на вашем столе в восемь утра, безусловно, можете — ни на что другое у нас просто не останется времени...

При этом я обратил его внимание на цифру, стоящую в правом верхнем углу последней страницы моего русского текста. Это была цифра 15.

Работу мы завершили часам к трем. Я, как всегда (и как было положено), подписал готовый документ: «Записал В. Суходрев». А утром — опять напряженная работа переводчика во время встреч, бесед, переговоров. И так все дни и ночи, пока длился визит Никсона.

На следующий день посол Добрынин поведал мне, что когда мою запись читал Никсон, то выражал полное одобрение и приговаривал: «Да, да... именно так я сказал Брежневу...»

И сегодня где-то в американских архивах хранится эта теперь уже историческая запись беседы руководителей США и СССР.

Переговоры начались

Четырехдневные переговоры начались во вторник, в 11 часов утра, с пленарного заседания в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Делегации были представлены в полном составе. Напротив Никсона за длинным столом сидел Брежнев, а рядом с ним, с двух сторон, — Подгорный и Косыгин. Присутствовали также Громыко и государственный секретарь США Уильям Роджерс.

Брежнев, начав переговоры, вновь сказал о том, насколько трудно было советскому руководству согласиться на встречу, учитывая ситуацию во Вьетнаме. Эти слова к месту и не к месту звучали рефреном еще много раз.

Действительно, тему войны во Вьетнаме нельзя было обойти, но все же с нашей стороны превыше всего было желание наладить отношения с Америкой. Так что Вьетнам иногда упоминался просто для того, чтобы «отметиться» и потом отрапортовать вьетнамцам и другим нашим союзникам о твердой и непримиримой позиции советского руководства в этом вопросе.

Стороны определили примерную повестку дня. В частности, было условлено, что после обеденного перерыва темой обсуждения станет проблема ограничения стратегических вооружений. К тому времени уже существовала твердая договоренность о том, что два документа, касающиеся данной проблемы, будут подписаны в дни визита Никсона в Москву. Но эти документы до конца не подготовили — советская и американская делегации работали над текстами в Хельсинки, им предстояло разрешить еще несколько конкретных вопросов, по которым не было достигнуто согласия. Не буду вдаваться в сложные детали проблем ОСВ и ПРО, об этом много написано, да и вообще в некоторых из них способны разобраться только специалисты. Скажу лишь, что окончательное соглашение было достигнуто в самый последний момент, чуть ли не в день церемонии подписания двух документов. Наши и американцы продолжали дорабатывать тексты даже в самолете, летящем из Хельсинки в Москву.

Сложнейшие переговоры по ограничению вооружений вел лично Брежнев, причем один, без Громыко, проявляя при этом повышенную работоспособность. Переговоры шли плодотворно, в хорошем темпе — с четырех до шести, а затем, после небольшого перерыва, с семи до десяти часов вечера. Отдельные детали уже ночью дорабатывали Киссинджер с Громыко. Столь же активно Брежнев работал на протяжении всего визита Никсона. Только один раунд проходил без его участия — это была дискуссия

по торгово-экономическим вопросам, которую с нашей стороны вел Косыгин.

Помимо документов, касающихся ограничения стратегических вооружений, подписывались и другие соглашения — об охране окружающей среды, о здравоохранении, сотрудничестве в области космических программ, предотвращении инцидентов в открытом море и в воздухе. Все это, несомненно, содействовало улучшению взаимоотношений двух сверхдержав.

Добрый ужин и ссору скрасит...

В среду по программе предстоял вечерний отдых за городом. Утром и после обеда в тот день состоялись два официальных раунда переговоров, а также был подписан очередной совместный документ. По приказке Брежнева, все участники «заработали свой ужин». И тут вдруг Леонид Ильич предложил высокому гостю отправиться за город раньше остальных, чтобы успеть прогуляться на свежем воздухе.

Среди сотрудников служб безопасности обеих сторон началась легкая паника, так как отъезд первоначально планировался на более позднее время. Надо было срочно подготовить машины, «расчитать» трассу и так далее. «Победителями» здесь оказались хозяева, то есть наша «девятка». В рекордно короткий срок к подъезду Большого Кремлевского дворца были поданы автомашины, переданы команды во все нужные точки маршрута, и лидеры тронулись в путь.

И Никсон, и Киссинджер в своих мемуарах потом писали об этой поездке, как о чем-то для них неожиданным. Действительно, так оно и было. Киссинджер вспоминает, что он буквально в последний момент вскочил в какую-то из советских машин, а другие сотрудники американской делегации, обязанные участвовать в загородных мероприятиях, вынуждены были приехать позже. У меня никаких проблем не возникло, поскольку я ни на минуту не отходил от Брежнева и уехал вместе с ним и Никсоном.

Эта встреча происходила в Новом Огареве, на правительственной даче. В то время там никто не жил, но, как и другие подобные точки, она находилась в постоянной «боевой» готовности — в любой момент обслуживающий персонал мог принять гостей.

Мы быстро домчались до места. Сразу же за нами прибыли Косыгин и Подгорный, а затем и другие участники встречи. Брежнев предложил прогуляться, и мы медленно пошли в сторону Москвы-реки. К Никсону пристроились Косыгин с Подгорным, им переводил мой коллега Андрей Вавилов. Брежнев же несколько поотстал, я шел рядом. Вдруг он обратился ко мне:

— Витя, ты много раз участвовал в таких встречах. Как, по-твоему, прошла моя первая беседа с Никсоном? Я думаю, он оценил мое откровение?..

Я едва сдержал улыбку: получилось прямо-таки по-библейски — откровение Леонида! Разумеется, он имел в виду откровенность. Ответил предельно серьезно и значительно:

— Я уверен, что ваша беседа прошла очень хорошо и явилась достойным началом визита американского президента в нашу страну. Брежнев просиял так, будто ему орден вручили.

И тут он вдруг вспомнил о «представителе старой гвардии большевиков», о котором рассказывал Никсону, том самом, что дал совет устанавливать доверительные личные отношения с людьми:

— Знаешь, Витя, я не хотел Никсону говорить, но это был Вячеслав Михайлович Молотов...

Спускаемся к реке. Бросив взгляд на идущих впереди Никсона, Подгорного и Косыгина, Леонид Ильич продолжил:

— Знаешь, Витя, ну и коллеги у меня! Пригласили человека в гости, так хоть улыбайтесь, проявляйте гостеприимство, как всегда бывало на Руси. Так нет же, идут с каменными лицами. Ну да ладно, пойдем к ним.

Брежнев ускорил шаг. Поравнявшись с президентом, предложил ему совершить прогулку на катере.

Как всегда, в хозяйстве «девятки» все было готово: у причала я увидел несколько катеров, среди которых один выделялся ослепительной белизной, да и размерами он был побольше остальных. Брежнев жестом пригласил гостя к этому катеру. Я заметил, что Подгорный стал отставать. Мы вышли из тени деревьев и ощутили на себе теплые лучи заходящего майского солнца. Подгорный надел на голову темно-серую соломенную шляпу, и я, обгоняя его в этот момент, услышал, как он тихо, почти шепотом, пробормотал:

— Ну и пусть едут, а я не поеду...

Остановился и побрел обратно, в сторону дачи. Было видно, что все эти развлечения ему порядком надоели.

Брежнев и Никсон забрались в белый катер, я присоединился к ним, и мы помчались по реке. За нами, на других катерах, отправились Киссинджер, Косыгин, мой коллега Вавилов и остальные.

Прогулка длилась минут сорок.

Потом Брежнев показывал Никсону дачу, очень похожую на все правительственные дачи в Подмосковье: одинаковая казенная мебель, ковры, бильярд, кинозал, спальни, кабинет, столовая на втором этаже... Все это я много раз видел.

Перед ужином Никсону предложили провести еще один тур переговоров. Расположились за столом в большом кабинете.

Брежнев объявил, что темой беседы будет Вьетнам. Он и начал этот разговор, как обычно, заглядывая в лежащую перед ним памятку, на сей раз с информацией о развитии событий во Вьетнаме, об эскалации американской агрессии, «особенно в последнее время». За ним держал речь Косыгин и тоже высказался крайне жестко. Когда, казалось, все уже было сказано, все «происки американских империалистов» разоблачены и осуждены, слово взял Подгорный. Он не добавил ничего нового, его выступление более всего походило на зубодробительную передовицу «Правды».

Никаких конструктивных предложений о путях прекращения войны в этих выступлениях не было, но тональность их была предельно резкой, и прозвучала даже скрытая угроза: дальнейшим усилением своей агрессии американцы вынудят Северный Вьетнам призвать на помощь китайские войска. Никсон слушал, стиснув зубы, затем спокойно, но жестко отверг то, что расценил как необоснованные обвинения, а также сказал о тех конкретных усилиях, которые предпринимают США, и в частности Генри Киссинджер, в стремлении наладить конструктивные переговоры с Северным Вьетнамом. Он подчеркнул свое твердое намерение положить конец кровопролитию во Вьетнаме. Отсутствие прогресса в этом деле объяснял неуступчивостью вьетнамцев и призвал оказать воздействие на наших друзей и союзников.

Этот тяжелый разговор, едва не закончившийся ссорой, завершился без принятия каких-либо конкретных совместных решений по столь сложному вопросу.

Я почему-то почувствовал, что Брежневу все это порядком надоело, и, чтобы как-то завершить трехчасовой разговор, он сказал: — Ну что же, время позднее, пора и на ужин.

А время действительно было позднее: часы показывали 11 вечера.

Всю напряженность и усталость как рукой сняло после слов Брежнева. Присутствующие заулыбались и дружно направились в столовую. Сели за стол, зазвучали тосты, шутки, смех, хорошо пошла русская закуска. Помню, Брежнев, повернувшись ко мне, сказал:

— Витя, выпей-ка рюмку побольше, и перевод лучше пойдет...

На этой веселой ноте и закончился тот вечер на правительственной даче. Кстати, катер на подводных крыльях, на котором катали Никсона с Брежневым, подарили американскому президенту после завершения визита.

Арестованный город

Последующие дни также были насыщены переговорами, но их конфронтационный накал намного снизился. Особенно это

стало ощутимо к вечеру пятницы, когда были подписаны Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны.

В субботу Никсон с женой отправились с однодневным визитом в Ленинград. Программа пребывания там была крайне напряженной. Посетили Пискаревское кладбище, где с большим волнением президент слушал рассказ гида о тяжелой участи ленинградцев во время блокады. Побывали в мемориальном музее. А далее последовали «галоп» по Эрмитажу и торжественный обед, данный ленинградским руководством.

Еще в самолете Никсон попросил меня написать для него английскими буквами какую-нибудь русскую фразу, которую он мог бы произнести на банкете в конце своей речи. После недолгих раздумий я предложил ему воздать должное подвигу ленинградцев во время войны и сказать: «Слава героям Ленинграда!» Эту фразу он потом и произнес с английским акцентом, но все-таки по-русски. Всем присутствующим на банкете его слова пришлось по душе.

В течение дня мы исколесили весь город. Побывали даже в восстановленном Павловском дворце. Но вот какая нелепость — по маршруту нашего следования нигде не было никаких прохожих. Когда кортеж автомашин на довольно большой скорости мчался по городу, видно было, что все примыкающие к нашей трассе улицы перекрыты грузовиками. Это заметил не только я...

Однако заместитель начальника 9-го управления КГБ вовсе не испытывал неловкости по этому поводу, он с восхищением приговаривал: «Весь город арестовали!» Пустынные улицы он считал верхом порядка, чуть ли ни наградой за свое служебное рвение.

Политика или стилистика

В воскресенье Никсон был уже в Москве. Предупредив заранее о своем намерении, он отправился в баптистскую церковь. Я с ним не поехал: мне сказали, что там будут прихожане, знающие английский. В мемуарах Никсон пишет, что он был немало удивлен, увидев на службе молодых мужчин, однако потом выяснилось: многие из прихожан побоялись в тот день прийти в церковь, которую и так-то не жаловала власть. Но, как говорится, свято место пусто не бывает, в храм пришли «прихожане в штатском»... Наверное, так оно и было.

Вечером Никсону предстояло выступить в прямом эфире перед телезрителями. Дня за два до этого он попросил меня о том, чтобы русский перевод его выступления зачитывал за кадром я. Задача

была не из легких: я полагал, что президент в своей речи будет оправдывать американскую политику на международной арене, в том числе и во Вьетнаме, и вообще станет говорить всякие хвалебные слова о собственной стране. А это никак не совпадало с нашей официальной линией. К тому же переводить мне придется четко и точно, с той же эмоциональной нагрузкой, с какой будет выступать сам президент. И наверняка кое-кому покажется, что я разделяю позицию Никсона. Такие уж были времена.

В общем, со своими сомнениями я обратился напрямую к Громыко. Тот дал ответ не сразу. Подумал и после паузы сказал, что, пожалуй, посоветуется с Генсеком. Через некоторое время Громыко ответил мне, что раз уж высокий гость просит, то его надо уважить. В его голосе мне послышалась интонация Леонида Ильича.

Рано утром от помощника президента по печати я получил текст телевизионного обращения Никсона к советскому народу и вместе с моими коллегами из МИДа перевел его. Однако я считал, что было бы не лишним к работе над окончательной редакцией перевода привлечь американских коллег — переводчиков Госдепартамента.

Во второй половине дня мы собрались в одной из комнат кремлевской резиденции президента и приступили к работе над окончательной редакцией русского текста. Вместе со мной с нашей стороны в этой работе участвовали — А. Вавилов и Т. Сиротина, а с американской — А. Акаловский и У. Краймер, с которыми я давно был знаком. Трудились мы продуктивно, стараясь, чтобы текст выигрышно звучал на русском языке, то есть хорошо воспринимался на слух.

Не обошлось и без курьеза. Дело в том, что в тот период американская пропагандистская служба рекомендовала радиостанции «Голос Америки», вещающей на русском языке, не употреблять в эфире словосочетание «советский народ». Лучше, дескать, говорить «люди, живущие в СССР». Намек был ясен — народы республик СССР не по собственной воле живут в составе Советского государства. Вот и Никсон в текст своего телеобращения вставил фразу: «люди, живущие в Советском Союзе». Не залезая в высокую политику, я начал убеждать американских коллег в том, что по-русски эта фраза звучит топорно, неуклюже, непривычно. Лучше уж тогда использовать сочетание «советские люди». Но американцы не соглашались. Разгорелся спор. В конце концов пришлось обратиться к одному из высоких чинов Госдепартамента, и тот разрешил вопрос в мою пользу.

Выступление в прямом эфире транслировалось из Зеленой гостиной Кремля. Я сидел в наушниках в соседнем помещении перед монитором и синхронно зачитывал перевод.

Никсон явно старался произвести хорошее впечатление на наших телезрителей. Особенно взволнованно говорил он о тяжелых испытаниях, выпавших на долю советских людей во время войны. А когда он, потрясенный впечатлением от посещения Пискаревского мемориального комплекса в Ленинграде, вспомнил знаменитый дневник школьницы Тани Савичевой и процитировал несколько фраз из него, я почувствовал, как у меня самого перехватило горло.

На следующий день перед подписанием очередного совместного документа ко мне неожиданно подошел А. Н. Шелепин — «железный Шурик», как его тогда за глаза называли, и сказал:

— Здорово ты вчера переводил Никсона! Очень точно попадал, да и речь хорошая.

Вот уж никак не ожидал такой похвалы от человека, который был известен своей жесткостью, а в качестве главного чекиста страны вызывал вполне понятный страх.

Визит близился к завершению. В понедельник, после прощальной беседы с Брежневым и приема в Большом Кремлевском дворце, президент отправился во Внуково, чтобы оттуда лететь в Киев.

Провожать поехали те же, кто и встречал Никсона — Косыгин с Подгорным.

